

языкомъ поэта, по прежнему «твердъ, спокоенъ и угрюмъ». Онъ еще не оставляетъ своего любимаго спорта—верховой ѣзды, упражняясь въ этомъ ежедневно. Онъ занимается умственнымъ трудомъ—чтеніемъ, писаніемъ и размышленіемъ,—по 8 часовъ въ день, не считая разборки огромной поистинѣ корреспонденціи, получаемой имъ ежедневно (при этомъ рѣдкое дѣльное письмо къ нему оставляется имъ безъ отвѣта), не считая приемовъ и объясненій съ посѣтителями, которые усердно его посѣщаютъ.

Я еще въ прошломъ году собирался ко Л. Н.—чу и писалъ ему письмо, въ которомъ просилъ позволенія быть у него, въ деревнѣ, но получалъ отрицательный отвѣтъ въ письмѣ, писанномъ кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ со словъ Л. Н.—ча: «Л. Н.—чъ очень занятъ. Всякое посѣщеніе, если нѣтъ опредѣленнаго дѣла, его разстраиываетъ, онъ устаетъ, Д. П. М.» Это было отвѣтомъ на мое письмо, (уже не первое).

А вотъ и мое письмо: «Позвольте мнѣ, глупокоуважаемый Л. Н., просить Васъ, разрѣшить мнѣ пріѣхать къ Вамъ поговорить о нѣкоторыхъ вопросахъ и посмотреть на Вашу одинокую жизнь въ деревнѣ зимою.

Простите, что приступаю къ Вамъ какъ евангельская вдова къ судѣ. Но что же дѣлать, если въ душѣ есть непреоборимая потребность духовнаго общенія съ дорогимъ, близкимъ сердцу человекомъ».

Надумавъ на этотъ разъ привести въ исполненіе свое намѣреніе во что-бы то ни стало, я дѣйствовалъ рѣшительно, шель, такъ сказать, на проломъ. Я рисковалъ при этомъ и не застать дома